

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 249-258
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.249

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

St. Petersburg University in the History of Training Kazakh Specialists in the second half of XIX – early XX centuries

Aidar Aitmukhambetov ^a, Serikzhan Ismailov ^{a, *}, Alibek Tabuldenov ^a, Sergey Simonov ^b

^a Kostanai Regional University named after A. Baitursynuly, Kostanai, Republic of Kazakhstan

^b Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs named after Sh. Kabylbaev, Kostanai, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the second half of the XIX century, Kazakh young men received the right to study at St. Petersburg University. During the period under study, more than 20 people received qualified training at the university. All of them represented different social groups. From social categories the largest group of students of this university were representatives of sultan dynasties, which was a common phenomenon of that time. This social stratum was the most progressive and well-off among the Kazakh people in terms of economic and social status. Students were educated in law, physics, mathematics and philological specialities.

Students received their initial training in educational institutions according to strictly established standards, the basic fundamentals of which were required for admission to university. Education in gymnasiums provided the right to enrol in higher education, which Kazakh young men took advantage of. Often the professional successes of older relatives and close friends were motivating factors in the choice of university applicants. During the student period, students showed perseverance and persistence in obtaining comprehensive knowledge in order to realise their opportunities in the service. It should be noted that during the study period, students had the opportunity to travel to other universities to obtain additional competences. This form of education allowed them to listen to a course of lectures from leading scientists in other universities and training centres.

Some Kazakh trainees, due to health complications, had to extend their education to complete a full course of study and become certified specialists. Subsequently, the specialists established themselves as employees, demonstrating high professional qualities at their place of service.

Keywords: student, university, scholarship, judicial sphere, management, lecture, sultan, aristocrat.

1. Введение

Во второй половине XIX века казахские юноши начинают поступать в Санкт-Петербургский университет. Казахская общественность имела четкое представление о статусе Санкт-Петербурга как самого крупного и значимого административного центра, в котором длительный период жил и творчески трудился один из ярких лидеров казахской интеллектуальной элиты, аристократ и чингизид Ч.Ч. Валиханов. Несомненно, Санкт-Петербургский университет воспринимался подготовленными длительным процессом обучения в школах и гимназиях молодыми людьми и их родителями как престижный вуз, обучение в котором гипотетически определяло карьеру и конкурентоспособность дипломированных специалистов в системе администрирования и законодательства. Мировоззрение абитуриентов накануне их перемещения в Санкт-Петербург складывалось под влиянием многих объективных факторов, в частности, таких как процесс

* Corresponding author

E-mail addresses: ismailov_7777@mail.ru (S. Ismailov), aidar_abaivi4@mail.ru (A. Aitmukhambetov), nauryzi8@mail.ru (A. Tabuldenov), simonovsw@mail.ru (S. Simonov)

преобразования управленческой модели в регионе проживания казахского населения, изменение ролевой специфики представителей старших поколений из династических фамилий, организация новых форм поведения служащих всех уровней.

Казахские студенты обучались на юридическом, физико-математическом факультетах, а также на факультете восточных языков. Подавляющее большинство из них выбирали специальность по изучению права, что предполагало включение подготовленных выпускников в судебно-правовые структуры со строгой регламентацией делопроизводства, жесткой профессиональной дисциплиной и ненормированным графиком. Очевидно, студенты оценивали благоприятные аспекты запланированного будущего в служении своему народу и улучшении общественного прогресса. Казахское студенчество отличалось региональным разнообразием и социальной неоднородностью с высоким удельным весом выходцев из привилегированных слоев в лице султанов и близких к ним социальных категорий.

Целевые установки и задачи исследования заключаются в изучении казахского студенчества по таким категориям, как их количество, регионы проживания, качество гимназической довузовской подготовки, социальный состав, состояние дисциплины и успеваемости в период обучения в вузе.

2. Материалы и методы

В процессе написания данной работы авторы использовали документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), Государственного архива Тобольска (Тобольск, Российская Федерация), Государственного архива Астаны (Астана, Республика Казахстан). Данные архивные учреждения имеют обширные материалы, которые позволяют создать достаточно полную картину обучения казахской молодежи в Санкт-Петербургском университете. Особую ценность представляют извлеченные архивные источники РГИА. Данное архивное учреждение содержит достаточный материал, который раскрывает количественные и качественные показатели, а также характеристики обучающегося казахского студенчества. При написании статьи авторами был использован системный подход. Данный метод позволил систематизировать обширный материал по казахским юношам, которые учились в российском университете. Он позволяет раскрыть такие аспекты, как численный состав, социальное происхождение, место проживания и т.д. Вводимые в научный оборот архивные источники в достаточной мере раскрывают многие стороны жизнедеятельности казахских студентов.

Историко-системный метод использован авторами для работы последовательного изложения материала и логического построения. Наиболее востребованным является метод критического анализа, позволяющий подходить критически к источникам и интерпретировать их в контексте понимания и раскрытия основной линии изложения представленного материала.

В процессе исследования представители авторской группы исходили из принципов историзма и добросовестного анализа. В ходе работы над публикацией авторы использовали методы описания и измерения, синтеза, сопоставления событий, а также поисковый метод. Апеллирование к этим методам предопределяет создание статьи на основе логической интерпретации фактов и научно обоснованных умозаключений. Метод сравнительного анализа применялся с целью выяснения качества гимназической подготовки и степени успеваемости казахских студентов в университете. Данные статистические материалы содержатся в исследованных архивных делах. Поисковый метод использовался с целью нахождения сведений относительно казахских студентов. В архивах были найдены фонды по Санкт-Петербургскому университету. Анализ личных дел позволил обнаружить материалы по казахским студентам. Применялся метод описания и измерения данных, на основе которых сформировалось представление об уровне жизни, имущественно-финансовом статусе, состоянии здоровья ряда студентов. Методы синтеза и сопоставления событий оказались востребованными для понимания многих аспектов жизнедеятельности студентов в Санкт-Петербурге, в частности, таких аспектов, как сфера их научных интересов, деловые поездки, стремление к успеху в учебном процессе.

3. Обсуждение

В работах отдельных казахстанских исследователей рассматривался вопрос формирования казахского студенчества. Одним из этих исследователей является М. Абдеш. В своем труде он исследовал процесс обучения казахской молодежи. В данном ракурсе им представлен список студентов, получивших образование в высших учебных заведениях исследуемого времени (Абдеш, 1998: 42).

Б.А. Кенжетаев относится к группе исследователей категорий казахского студенчества. На примере университетов Казани он выявил ряд представителей казахской молодежи, которые обучались в различных учреждениях высшей школы (Кенжетаев, 1988: 56). Б. Кенжетаев на основе анализа архивных материалов ввел в научный оборот ранее неизвестные документы. Его труд насыщен количественными показателями и различного рода характеристиками, позволяющими определить социальный статус, место проживания, учебную успеваемость казахских студентов.

Казанские учебные заведения сыграли значительную роль в формировании казахской интеллигенции. Данный вопрос рассмотрен в статье «Обучение казахских студентов в Казанском университете в конце XIX – начале XX вв.» (Nurusheva et al., 2023). Авторы, используя архивные источники, смогли показать процесс становления учащейся казахской молодежи в период их обучения в вузе Казани. Известно, что многие видные деятели казахского народа обучались в казанских учебных заведениях, получая медицинские и юридические специальности.

Одним из ученых, посвятивших свои работы изучению аспектов формирования когорты казахских студентов, является Г.С. Султангалиева (Султангалиева, 2002). В данном ракурсе автор на основе изучения архивных документов выявила более 20-ти представителей казахской молодежи, которые являлись выходцами из Оренбургского региона. Данные персоналии проходили обучение в университетах Российской империи. По окончании университета они состоялись в качестве специалистов и функционировали в различных профессиональных сферах.

Исследователь С.М. Михайлова (Михайлова, 1991) рассматривает количественные и качественные характеристики казахского студенчества. Она проанализировала казахское студенчество казанских вузов. Казахские абитуриенты выбирали Казань в качестве образовательного центра на основе объективных реалий культурной и территориальной близости смежных регионов. Соответствующие обстоятельства предопределили процесс адаптации казахских студентов к новым условиям во взаимодействии с местной интеллигенцией и творческий потенциал для дальнейшей социализации.

Вопросом обучения казахского студенчества в вузах занимался Х.М. Абжанов (Абжанов, 2005). В своей статье автор рассматривал деятельность казахской интеллигенции, которая получила свое образование в высших учебных заведениях России. В данном аспекте выделяются такие персоналии, как А. Букейханов, Х. Досмухамедов и другие. Они в процессе повседневной деятельности демонстрировали истинные ценности служения обществу и являлись подвижниками во всех жизненно важных сферах.

Необходимо отметить, что проблема формирования и обучения казахских студентов в российских вузах в XIX – начале XX вв. рассматривалась и другими авторами. В рамках данных публикаций авторы поставили цель – представить историю казахского студенчества Санкт-Петербургского университета изучаемого периода.

4. Результаты

Во второй половине XIX века казахские юноши начинают поступать в Санкт-Петербургский университет. Согласно анализу архивных источников в университете за этот хронологический период обучалось около двух десятков студентов: Нуралиханов Селим-Гирей, Сейдалин Жиганшах, Темиров Аббас, Темиров Абдулла, Ниязов Батыр-Хаир, Каратаев Бахытжан, Сейдалин Аббас, Ниязов Абдул-Керим, Джантурин Селим-Гирей, Валихан Искандер Газы, Джанайдаров С-Б., Чокаев Мустафа, Турлубаев Айдархан, Суйнишгалиев Сейдахмет, Кулманов Бахтыгерей, Сыртанов Барлыбек, Саматов Баскен, Султангазин Дин-Мухамед, Марсеков Раимжан, Алиев Мырзабек, Акпаев Жакып. Все они являлись уроженцами разных регионов. В частности, от Тургайской области учились Сейдалин Жиганшах, Саматов Баскен, Темировы Абдулла и Аббас. Уральскую область представлял Каратаев Султан Бахытжан. Уроженцами Семипалатинской области были Акпаев Жакып и Султангазин Дин-Мухамед. Мустафа Шокаев был выходцем из Сырдарьинской области. Искандер Валихан и Айдархан Турлубаев – из Акмолинской области. Во Внутренней Орде проживали Ниязов Батыр-Хаир, Кулманов Бахтыгерей, Нуралиханов Селим-Гирей (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521, 25945, 35843, 64558, 23168, 55955, 29087, 36393, 29082, 28856, 68344, 37347; ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1763; ГАГА. Ф. 430. Оп. 9. Д. 9; Абдеш, 1998: 42).

Начальное образование казахские юноши получали в волостных и уездных школах и училищах по месту проживания семьи. Дальнейшую углубленную подготовку юноши осознанно проходили в гимназиях, которые находились в крупных административных центрах. Таким образом, анализ архивных документов показывает, что подавляющее большинство из них состояли на обучении в Оренбургской гимназии. Казахские юноши учились в Санкт-Петербургской, Омской, Томской, Семипалатинской, Ташкентской, Тобольской и Троицкой гимназиях. Характерно пребывание молодых людей в учебных заведениях, которые регионально располагались на больших расстояниях от исторической территории проживания казахов. Например, уроженец Акмолинской области И.Г. Вали-Хан несколько лет пребывал в Санкт-Петербургской 6-й гимназии, о чем было уведомлено в его документах: «Аттестат зрелости от 6-й Санкт-Петербургской гимназии. Дан султану Искандеру Газы Вали-Хану, родившемуся 9 августа 1873 года, обучавшемуся с 5 класса в Санкт-Петербургской 6-й гимназии и пробывшему 1 год в VIII классе, в том, что поведение его было отличное, исправительность в написании письменных работ безукоризненная, был постоянно прилежным, любознательность одинаковая по всем предметам» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 28856. Л. 3). Валихан являлся выходцем из султанской семьи, которая обладала высоким социальным статусом в обществе. Очевидно, объективные обстоятельства получения престижных знаний предопределили выбор Валихана и его родителей. В практике обучения гимназистов часто фиксировались эпизоды их переводов из одних гимназий в другие, что объяснялось различными причинами, в частности,

наличием выделяемых для обучения в конкретное учебное заведение стипендий и возможностью контактов с родственниками и близкими, что являлось проявлением тесных корпоративных связей традиционного казахского общества. Например, С-Б. Джанайдаров первоначально обучался в Томском университете. В 1906 году он перевелся в Санкт-Петербургский университет. Мотивы своего перевода он обосновал следующим образом: «Я сам материально не обеспечен. Перевелся я в императорский Санкт-Петербургский университет потому, что здесь в университете имеются киргизские (казахские примечание автора) земские стипендии, про которые я в прошлом году не знал» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 680. Л. 18).

В Петербурге проживали и активно взаимодействовали с казахскими представителями два казахских высокопоставленных военных. Это выходцы из аристократических династий: генерал-майор Чингисхан и полковник гвардии Валихан. Они оказывали возможную помощь казахским студентам, многие из которых также представляли социально статусные султанские фамилии. Например, в родстве с Чингисханом состоял султан Джантурин Селим-Гирей (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23168. Л. 15). Султан Сейдалин Жиган-Шах отмечал в документах в качестве родственника Чингисхана и Валихана (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 1). Чингисхан в апреле 1884 года лично ходатайствовал перед деканом факультета о возможности переноса экзамена для своего родственника, студента С-Г. Джантурина, по причине болезни: «Господину Декану Математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Племянник мой студент 1 курса Султан С-Г. Джантурин по случаю болезни тифозного характера не может держать экзамен. Не признаете ли возможным разрешить моему племяннику держать экзамен по его выздоровлению бог даст в Августе настоящего года. Медицинское свидетельство находится у Инспектора студентов. Свиты Его Величества Генерал-майор Чингис-хан» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23168. Л. 14). Разрешение было получено.

Сейдалин Жиган-Шах в своем обращении к ректору университета в качестве причин, которые побудили его выбрать именно Санкт-Петербургский университет, акцентировал внимание на имеющихся вакансиях на областную стипендию и на наличии представительных родственников: «При этом присовокупляю, что следующие причины побудили выбрать Санкт-Петербургский университет: 1. Его Превосходительство Военный Губернатор Тургайской области дал свое согласие на занятие мной киргизской (казахской) стипендии при Санкт-Петербургском университете. 2. В Петербурге проживает мой родственник Генерал от кавалерии в отставке Губайдулла Чингис-Хан и полковник гвардии султан из киргиз (казахов) Вали-Хан. Кроме того, в будущем году будет учиться в Михайловском артиллерийском училище брат мой, окончивший в текущем году курс наук в Оренбургском кадетском корпусе» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 1). Сейдалин Жиган-Шах по примеру своего отца два года пробыл в Оренбургском кадетском корпусе, учащиеся которого получали военное образование. Его отец, статский советник А. Сейдалин, ходатайствовал в административные структуры о принятии сына в кадетский корпус. Во второй половине XIX века несколько десятков казахов получили образование в кадетских корпусах. Дальнейшее обучение в течение пяти лет он проходил в Оренбургской гимназии (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 2).

Таким образом, представители казахской общественности имели представление о статусе и значимости специализированных учебных заведений в системе образовательной модели. В гимназиях преподавались предметы, научно-образовательная база которых являлась востребованной для адаптации в университетах. Ряд гимназистов характеризовались наличием только положительных результатов. В частности, Батыр-Хаир Ниязов по всем дисциплинам гимназического курса имел отличный показатель. По итогам пребывания в гимназии он в 1892 г. был удостоен золотой медали. Представители ректората университета сделали акцент на этом факте в деловой переписке с руководством гимназии: «... присланная при отношении от 9 февраля сего года за № 185 золотая медаль для выдачи студенту СПУ Батыр-Хану Ниязову в университет получена». Медаль была получена в 1894 году (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 29087. Л. 3, 20). Директор гимназии Сатурнов в письме инспектору Санкт-Петербургского университета объяснял причины предоставления награды Ниязову следующим образом: «Золотая медаль выдана Ниязову от Педагогического Совета Оренбургской гимназии за благонравие и успехи по окончании курса в Оренбургской гимназии» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 29087. Л. 47).

Доминанта положительных результатов зафиксирована в «Аттестате зрелости» об окончании Оренбургской гимназии Султан-Бакытжана Каратаева. Директор гимназии Якубович представил характеристику Каратаева, в содержании которой акцентировал внимание на успеваемости и дисциплине: «Дан сей Бахыт-Жану Бисалиевичу Каратаеву магометанского вероисповедания, сыну султана, родившемуся в кочевке Ак-Бакай Уральской области 10 мая 1863 г., обучавшемуся 8 лет в Оренбургской гимназии и пробывшему один год в VIII классе в том, во-первых что на основе наблюдений за все время обучения его в Оренбургской гимназии, поведение его вообще было отличное, исправительность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, прилежание хорошее и любознательность ко всем вообще предметам хорошая...» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25945. Л. 2).

Уроженец Семипалатинской области Акпаев обучался в Омской гимназии, впоследствии перевелся на обучение в гимназию Томска. Директор гимназии оставил хороший отзыв относительно гимназического периода Акпаева: «Аттестат зрелости Дан сей Акпаеву, вероисповедания магометанского, сыну киргиза, родившемуся в 1876 году 25 октября и пробывшему 1 год в VIII классе, обучавшемуся 7 лет в Омской 1 год в Томской гимназиях в том, что, во-первых, на основе наблюдений за все время обучения его в Томской гимназии поведение его вообще было отличное, исправимость в посещениях и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, прилежание хорошее и любознательность весьма достаточная» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 3).

Характеристики подобного содержания были применимы по отношению ко всем казахским студентам. Итак, соответствующие персоналии в гимназический период обучения ориентировались на достижение достойных знаний с целью получения возможности продолжения обучения в университетах. Анализ «Аттестатов зрелости», то есть официальных документов об успеваемости и стремлении познания всех дисциплин. В частности, дипломированные выпускники имели хорошие показатели по языковым дисциплинам: греческому, латинскому, французскому, немецкому языкам. Исследованные гимназисты А.-К. Ниязов, С.-Г. Джантурин, И.-Г. Вали-Хан, М. Чокаев, А.А. Темиров, Б.Ю. Ниязов, Б.Б. Каратаев, Ж.Д. Акпаев, А. Турлубаев проявили положительные результаты по данным предметам. Таким образом, базовые познания в классических дисциплинах и качественное владение современными европейскими языками являлись необходимостью для результативного освоения университетского курса обучения.

Распределение студентов по факультетам выглядело следующим образом: 15 человек выбрали юридическую специальность, 4 обучались на востоковедении и 1 предпочел физико-математическое направление. Сопоставление показателей распределения студентов по факультетно по другим исследованным вузам выделенного хронологического периода свидетельствует об ориентации большинства казахских абитуриентов на правовые факультеты.

В рубежное время (XIX – начало XX вв.) сохранялась тенденция постоянных изменений административного сектора в регионе, которые определялись во многом наличием подготовленного штата специалистов с фундаментальным образованием в законодательной и управленческой сферах. Соответственно, большинство амбициозных молодых людей предпочитали юридические факультеты, по успешному окончанию которых планировали дальнейшие перспективы.

Большое влияние на молодых людей оказывали их старшие родственники, которые обладали определенными должностными позициями в официальной модели управления. В этом ракурсе вызывает интерес социальная структура казахского студенчества. Значительную часть из них составляли представители султанов – 7 человек. В документах подчеркивалась их принадлежность к султанским семьям. Очевидно, родственники студентов, как правило отцы и дяди, уже состоялись на гражданском или военном поприще. Например, отец С.-Г.З. Нуралиханова, султан Зулкарнай Чукиев Нуралиханов, имел звание хорунжего и состоял депутатом средней дистанции Внутренней Уральской линии, то есть являлся служащим местной администрации (РГИА. Ф.14. Оп. 3. Д. 36393. Л. 2). Отец студента Джантурина С.-Г., султан Саид-Хан Джантурин, служил в звании войскового старшины. Отец С.-Б.М. Джанайдарова, Мейрам Джанайдаров, занимал должность младшего помощника Атбасарского уездного начальника Акмолинской области (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 680. Л. 12).

Родитель Ж. Сейдалина, султан Альмухамед Сейдалин, после завершения курса в Оренбургском кадетском корпусе начал военную карьеру прапорщиком в линейном батальоне. В течение 40 лет состоял на службе. Сопровождал в качестве охраны Бухарское посольство в Санкт-Петербург. По выходе в отставку работал в должности уездного судьи в Тургайской области (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 29).

Постепенно формировалась система последовательного обучения в университетах представителей определенных фамилий. Султан Темиров Абдулла Темирович был дипломированным выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Его сын, выпускник Тобольской гимназии Темиров Аббас Абдулович, учился на факультете Восточных языков данного университета в начале XX века (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 13. Д. 68344. Л. 8).

Джан-Султан Чувакович Сейдалин состоял студентом юридического факультета Казанского университета. Начал службу в судебной сфере. В 1900 году состоял членом Троицкого окружного суда в чине коллежского советника. Сын Д.-С.Ч. Сейдалина, Аббас Джан-Султанович Сейдалин, по окончании Троицкой гимназии поступил в 1914 г. на юридический факультет Санкт-Петербургского университета (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 64558. Л. 7, 11).

Для казахских юношей студенческий период являлся важным фактором их личностного развития и успешной социализации. В реестре документов о зачислении в университет имелись формулярные списки о служебной деятельности их родителей и выписки руководителей учебных учреждений относительно прилежания по дисциплинам. Дополнительно прикладывались документы, которые характеризовали социальный статус представителей ряда фамилий. В личном деле И.-Г. Вали-Хана содержалось свидетельство Департамента Геральдии Правительственного Сената о признании султанской семьи в качестве потомственных дворян (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 28856. Л. 1).

Анализ документов демонстрирует личную заинтересованность студентов в успешности обучения. В источниках не обнаружено сведений относительно недисциплинированного отношения казахских уроженцев. Все промежуточные показатели их семестровых периодов фиксировались в качестве отчетов. Ректорат вуза по итогам семестрового обучения в сухих строках оценил успеваемость студента А.-К. Ниязова: «... в 1892 году зачислен на юридический факультет, на котором слушал курсы по: Истории Римского права, истории Русского права, Церковному праву, Полицейскому праву, Политическому экономии, Статистике, Гражданскому праву и Судопроизводству, Торговому праву и Судопроизводству, Уголовному праву и Судопроизводству, Финансовому праву, Международному праву, Энциклопедическому праву, Истории Философии права. Участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, подвергался испытаниям по немецкому языку и по выполнению всех условий, требуемых правилами зачетов полугодий, имеет восемь зачетных полугодий» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 3. Д. 29082. Л. 37). Документы подобного содержания фиксировались по другим казахским студентам.

Студент юридического факультета Акпаев за период обучения в вузе имел хорошую успеваемость по предметам: «Господину инспектору студентов. Студента IV курса юридического факультета Я. Акпаев.

Заявление.

Имею честь заявить Вашему Превосходительству, что при переходе из I-го на II-й курс получил следующие отметки: История Римского права – 4, Энциклопедия права – 4, Политическая экономия – 5. Со 2-го на 3: История Русского права – 5, Политическое право – 5, Государственное право – 4, Статистика – 5. С 3-го на 4: История философии права – 4, Церковное право – 3, Финансовое право – 5» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 57).

Изучение архивов резюмирует вывод о стремлении студентов рационально использовать Санкт-петербургский период. При наличии определенных возможностей они стремились расширить свой кругозор методом путешествий. Так, С.-Г. Джантурин в 1884 году персонально обращался к вузовскому руководству с просьбой о предоставлении ему права посетить Киев: «Представляя при сем свидетельство на жительство и билет на право посещения лекций, покорнейше прошу уволить меня в отпуск в г. Киев сроком на 15 января 1884 года. 1884 г., 19 декабря С.-Г. Джантурин» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23168. Л. 11). Он получил разрешение.

Студент И.Г. Вали-Хан ходатайствовал попечителю Санкт-Петербургского Учебного Округа о поездке за рубеж: «Студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета султан И.Г. Вали-Хан просит об увольнении его для сопровождении дяди с отпуском за границу сроком на 2 месяца» (РГИА. Ф. 14. Оп. 7. Д. 28856. Л. 37). Очевидно, родственник автора ходатайства являлся социально статусной и материально обеспеченной персоной, в окружении которой Вали-Хану, великолепно владевшему французским и немецким языками, предстояло выполнять организационно-управленческие функции, характерные для аристократических семей.

Некоторые студенты пытались получить дополнительные знания в других университетах и институтах. Например, Ж. Сейдалин летом 1902 года изъявил желание дополнительно посетить курсы в Санкт-Петербургском Археологическом институте, о чем с прошением обратился к ректору университета: «Желая слушать лекции в Императорском Археологическом институте, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче мне свидетельства о том, что для слушания лекций мне в означенном институте не имеется препятствий. Студент юридического факультета IV семестра Ж. Сейдалин. 1902 г., 7 июня, Санкт-Петербург» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 17). Студент Акпаев также обращался в ректорат университета с подобным прошением, на что получил удовлетворительный ответ: «Удостоверение. Дано сие Акпаеву для представления в Санкт-Петербургский Археологический институт к слушанию им лекций в означенном институте» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 52). Представители казахской общественности, прежде всего студенты, интеллигенция и чиновники, активно изучали родной край, творчески взаимодействовали с членами ИРГО, штудировали новинки литературы и периодики. В студенческий период юноши стремились прослушать научно-образовательные курсы в других университетах.

Большинство казахских студентов испытывали материальные трудности. Многие из них получали областные стипендии, которые формировались из денежных взносов казахского населения. Объем стипендий фиксировался в сумме от 300 до 350 рублей. Стипендиальные суммы распределялись на один год. Студенты искали возможности экономного распределения денег. Финансы требовались для оплаты лекционных курсов, найма жилья, покупки обмундирования и учебников. Наличие финансовых средств предоставляло студентам право получения дополнительного образования. Студент Акпаев составил прошение на имя инспектора студентов о предоставлении ему документов его финансовой платежеспособности с целью повышения квалификации: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение в том, что я состою стипендиатом Степных областей и никаких иных средств не имею. Это удостоверение будет предоставлено профессору мнемотехники С. Фрайнштайну, у которого я хочу брать уроки мнемотехники» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 5). Студенты писали руководству вуза и в областные инспекции по месту жительства о дефиците финансов. Данное обстоятельство негативно

отражалось на здоровье обучающихся. Они страдали тяжелыми недугами. В частности, Турлубаев болел ревматизмом ног, медики госпиталя Санкт-Петербурга диагностировали у Акпаева желудочное заболевание. По причине болезненного состояния затягивался процесс обучения юношей, которые вынуждены были брать отпуска. Они ходатайствовали о переносе сроков сдачи экзаменов по объективным причинам. Прослушавший курс обучения Акпаев актуализировал проблему сдачи экзаменов через год: «Слабость моего здоровья не позволяет мне держать государственный экзамен. Для серьезной подготовки необходимо остаться еще на один год на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. А потому я покорнейши прошу Ваше Превосходительство позволить мне еще остаться на 1 год с зачислением меня в число студентов. 1902 год, 4 апреля Акпаев» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 67).

Обращения подобного содержания являлись характерными для значительной категории студенчества. Некоторые представители из семей служащих сигнализировали о бедственном состоянии. Ж. Сейдалин на период поступления в вуз лишился своего отца, офицера и судьи А. Сейдалина. Его семья жила на пенсию, которая оказалась недостаточной для покрытия расходов. Отец Б. Ниязова был охарактеризован администрацией Внутренней Орды следующим образом: «Юсуп Чумбалович Ниязов человек несостоятельный, содержит 14 душ и есть ходатайство освободить его сына от уплаты взносов за учение» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 29087. Л. 46). В сложившихся обстоятельствах стипендиаты демонстрировали дисциплину и прилежание в стремлении получить качественные знания. В данном ракурсе примечательно обращение Каратаева к ректору Санкт-Петербургского университета, в содержании которого он просил освободить его от уплаты за слушание лекций с сохранением за ним областной стипендии по следующим обстоятельствам: «Получил на экзамене за весеннее полугодие «Гражданское право» 5, «Церковное право» – 4» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25945. Л. 29). Таким образом, результативность обучения являлась важным фактором в дальнейшем совершенствовании казахских студентов с целью трудоустройства и работы в различных структурах.

По окончании вуза дипломированные специалисты начинали служебную деятельность в различных учреждениях. Важным обстоятельством зачисления специалистов на службу являлся университетский документ, который в содержательной сути подтверждал высокий уровень дисциплины. В 1902 году студент А. Турлубаев получил «Удостоверение» для предоставления в юридическую испытательную комиссию: «... Турлубаев за время обучения в Университете поведения был отличным» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 15). Спустя год его товарищ Акпаев при зачислении в штат сотрудников Омской судебной Палаты получил университетскую справку об его благонадежности.

Карьера в юридической сфере «петербуржцев» начиналась вдали от родины. Выпускник 1914 года С-Б.М. Джанайдаров начал работать в Витебской губернии. В 1916 г. он занимал должность помощника податного инспектора Лепельского уезда Витебской губернии. В дальнейшем он перевелся в штат служащих Омского Округного Суда на должность податного инспектора Атбасарского участка Акмолинской области (ГАГА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 28. Л. 5).

Абдулла Темирович Темиров по окончании университета в 1891 г. начинал в должности судебного следователя при Уфимской палате уголовного и гражданского суда. Работал в Сырдарьинском, Аулиеатинском уездах в судебной сфере. В 1905 году состоял в штате Тобольского окружного суда в чине надворного советника со старшинством. Акпаев Жакып Джандердинович трудился судьей в Омской судебной палате. В 1904 году он состоял в чине служащих Тобольского окружного суда (ГАГА. Ф. 430. Оп. 9. Д. 9. Л. 7).

Марсеков Раимжан работал в должности судьи при Семипалатинском окружном суде. Состоял помощником присяжного поверенного, продолжил судебную деятельность при Омском окружном суде в 1905 году (ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 176. Л. 2). Турлубаев Айдархан начинал работать в Омской судебной палате. Далее он действовал в качестве судьи в Ишимском уезде в чине коллежского асессора при Тобольском окружном суде (ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 255. Л. 2). Таким образом, Санкт-Петербургский университет являлся важным фактором в истории подготовки казахских специалистов второй половины XIX – начала XX веков.

5. Заключение

Во второй половине XIX века начинается процесс обучения казахской молодежи в Санкт-Петербургском университете. Обучение юношей проходило за счет стипендий регионов их проживания. Ориентированные на успех юноши демонстрировали высокую степень дисциплинированности и результативности. К сожалению, многие студенты были подвергнуты различным заболеваниям, поэтому соответствующие факторы затрудняли их обучение. В студенческий период в исследуемой группе ярко проявились элементы корпоративного сотрудничества и родственных связей, наличие которых определяло адаптацию студентов и их социализацию в условиях большого города. Рационально мыслящие студенты ориентировались на расширение личного кругозора, научной сферы общения, что нашло отражение в получении ими дополнительных знаний в других университетах. Анализ источников демонстрирует стремление молодых специалистов реализовать свой потенциал на службе, в частности, выпускники университета

А. Турлубаев, Р. Марсеков, Ж. Акпаев, А. Темиров и Д. Сейдалин состоялись в качестве подготовленных юристов в государственных специализированных судебных структурах. Таким образом, в Санкт-Петербургском университете сформировалась группа профессионалов, которые доминировали в категории казахской интеллигенции исследуемого периода.

Литература

- Абдеш, 1998 – Абдеш М. Ертеден Ел тағынан // *Егемен Қазақстан*. 1998. С. 42.
 Абжанов, 2005 – Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить // *Казахстанская правда*. 2005. 24 июня. №4. С.3.
 ГАГА – Государственный архив города Астаны.
 ГАТО – Государственный архив Томской области.
 ГАТ – Государственный архив Тобольска.
 Кенжетаяев, 1988 – Кенжетаяев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: ПИФ, 1988. 88 с.
 Михайлова, 1991 – Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань, 1991. 359 с.
 РГИА – Центральный государственный исторический архив.
 Султангалиева, 2002 – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002.
 Nurusheva et al., 2023 – Nurusheva G.K., Aitmukhambetov A.A., Simonov S.V. Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 239-250.

References

- Abdesh, 1998 – Abdesh, M. (1998). Erteden El tagynan [From the throne of the country from time immemorial]. *Egemen Qazaqstan*. P. 42. [in Kazakh]
 Abzhanov, 2005 – Abzhanov, Kh.M. (2005). Otechestvu predanno sluzhit' [To serve the Fatherland faithfully]. *Kazakhstanskaya pravda*. 24 iyunya. 4: 3. [in Russian]
 GAGA – Gosudarstvennyi arkhiv goroda Astany [The State Archive of Astana city].
 GAT – Gosudarstvennyi arkhiv Tobol'ska [The State Archive of the Tobolsk].
 GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region].
 Kenzhetaev, 1988 – Kenzhetaev, B.A. (1988). Kazanskiye uchebnye zavedeniya i protsess formirovaniya kazakhskoi intelligentsii v seredine XIX – nachale XX vv. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the XIX – beginning of the XX centuries]. Kazan': PIF, 88 p. [in Russian]
 Mikhailova, 1991 – Mikhailova, S.M. (1991). Kazanskiy universitet v dukhovnoi kul'ture narodov Vostoka Rossii (XIX vek) [Kazan University in the spiritual culture of the peoples of the East of Russia (XIX century)]. Kazan', 359 p. [in Russian]
 Nurusheva et al., 2023 – Nurusheva, G.K., Aitmukhambetov, A.A., Simonov, S.V. (2023). Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 18(1): 239-250.
 RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
 Sultangalieva, 2002 – Sultangalieva, G.S. (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachale XX vv.) [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB. 120 p. [in Russian]

Санкт-Петербургский университет в истории подготовки казахских специалистов во второй половине XIX – начале XX вв.

Айдар Айтмухамбетов^а, Серикжан Исмаилов^{а,*}, Алибек Табулденов^а, Сергей Симонов^б

^а Костанайский региональный университет имени А. Байтұрсынұлы, г. Костанай, Республика Казахстан

^б Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX века казахские юноши получили право обучения в Санкт-Петербургском университете. В исследуемый период в вузе квалифицированную подготовку получили более 20-ти человек. Все они представляли разные социальные группы. Из социальных категорий

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ismaiлов_7777@mail.ru (А. Айтмухамбетов),
aidar_abaivi4@mail.ru (С. Исмаилов), nauryz18@mail.ru (А. Табулденов),
simonovsw@mail.ru (С. Симонов)

наибольшую группу обучающихся данного вуза составляли представители султанских династий, что являлось обычным явлением того времени. Эта социальная страта была по экономическому и общественному положению наиболее прогрессивной и обеспеченной. Студенты получили образование по юридическим, физико-математическим и филологическим специальностям.

Начальная подготовка осуществлялась в учреждениях по строго установленным стандартам, базовые основы которых оказались востребованными для зачисления в университет, чем пользовались казахские юноши. Зачастую профессиональные успехи старших родственников и близких являлись мотивирующими факторами для выбора абитуриентами университета. Студенты проявляли настойчивость и упорство в получении комплексных знаний с целью реализации своих возможностей на службе. Необходимо отметить, что в исследуемый период учащиеся имели возможность выезда в другие университеты для получения дополнительных компетенций. Такая форма обучения позволяла им прослушать курс лекций ведущих ученых в других университетах и учебных центрах.

Некоторые казахские обучающиеся в связи с осложнениями по состоянию здоровья вынуждены были продлевать образование, чтобы пройти полный курс обучения и стать дипломированными специалистами. Впоследствии специалисты состоялись в качестве служащих, демонстрируя высокие профессиональные качества по месту службы.

Ключевые слова: студент, университет, стипендия, судебная сфера, управление, лекция, султан, аристократ.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 258-267
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.258

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Verny Men's Gymnasium and Future Alash Figures

Orazgul Kh. Mukhatova^a, Shamek B. Tleubayev^a, Svetlana G. Belous^b, Arailym N. Konkabayeva^{a,*}

^a Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

On September 1, 1876, the local tsarist authorities opened the Verny men's gymnasium to enable the children of the indigenous nomadic population to receive a secondary education and continue their studies at the universities of the Russian Empire. Those who graduated from the gymnasium worked as translators in the center and districts of the Zhetysu region. In 1883–1911, future representatives of the Alash movement in Zhetysu were educated in this secondary educational institution. The purpose of the article is to study the first stage in the formation of Alash figures in Zhetysu – education at the Verny men's gymnasium; to consider the opening of this gymnasium and the rules for enrolling students, its potential, teaching staff, student apartment, conditions for admission to a boarding school; to analyze, on the basis of conduit sheets of students, academic performance, discipline, passing tests, reasons for the departure of Kazakh children; to reveal the essence and significance of the historical trace left by the men's gymnasium on the Zhetysu Alash figures and their life path. The article studies Alash figures in Zhetysu who studied at the Verny men's gymnasium in the late 19th – early 20th centuries (on the basis of archival sources). In the gymnasium, the children lived in a boarding house, studied Russian and French, Latin, algebra, geometry, history, geography, and took tests. They learned to live in a state-owned house, obey order, be true friends and reliable associates. They developed the skills of reading books, knowledge of languages and philosophical thinking, the ability to express their opinion. The childhood of the future leaders of the Alash movement in Zhetysu, who aspired to get an education, passed within the walls of the Verny men's gymnasium. Studying at the gymnasium predetermined their appointment to the civil service, receiving higher education and becoming qualified specialists in their field. Some of them occupied the administrative positions and became influential people in the region, while others were drawn into the national liberation struggle at the beginning of the 20th century.

Keywords: Verny, gymnasium, petition, student, boarding school, class, behavior, performance, conduit sheet, translator.

1. Введение

Российской империей в пореформенный период были заложены основы для становления казахской интеллигенции и формирования казахской национальной идентичности, ставшей впоследствии фундаментом возрождения исторической субъектности казахов. С.В. Любичанковский подчеркивает, что это происходило не вопреки, а именно вследствие реализации имперской политики аккультурации средствами просвещения. Интеграция казахов через образовательную систему империи привела к становлению новой элиты казахского народа не по праву крови, а исходя из приобретенных новых компетенций и взглядов на жизнь (Любичанковский, 2021: 106).

* Corresponding author

E-mail addresses: konkabayeva.arailym@mail.ru (A.N. Konkabayeva),
Orazgul7@rambler.ru (O.Kh. Mukhatova), Shamek_09@mail.ru (Sh.B. Tleubayev),
sbelous978@gmail.com (S.G. Belous)